

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, <i>в коей картина превращается в роман, пустынные берега в парижскую Масленицу, портрет Вольтера в живую персону, театральный скандал в триумф, трезубец Нептуна в объ- ятия Морфея</i>	9
ГЛАВА ВТОРАЯ, <i>где генерал Афсиомский принимает филозофа Д'Аламбера и где становятся очевидными пользительные свойства оре- хового масла</i>	63
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, <i>в коей слегка припозднившийся персонаж барон Фон-Фигин поднимается на борт стопушечного корабля «Не тронь меня!», а молодые герои, Мишель, Николя, Клаудия и Фиокла, наслаждаются обществом Вольтера вкупе с чертенятами поместья Ферне</i>	90
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, <i>дающая Вольтеру возможность прочесть отрывки из «Трак- тата о толерантности», кавалеру Террано совершить грехо- падение, а высшим офицерам обсудить феномен «Двухногого Казуса»</i>	130
ГЛАВА ПЯТАЯ, <i>начавшаяся в идиллических аллеях парка, в коих посланник Фон-Фигин и великий Вольтер обсуждают курьезы женствен- ного века, споткнувшаяся в коридоре замка, где две кавалер- ствующие дамы не могут разойтись из-за объемов их фижм, и завершившаяся безобразным пиратством, позволившим нашим шевалье проявить их не вполне обычные геройские качества</i>	164
ГЛАВА ШЕСТАЯ, <i>глубоко задевшая нежные души двойняшек-курфюрстиночек, изгнавшая бесов из камина, а также заставившая задумать- ся об андрогинных свойствах младших чинов императорской гвардии в обществе старческого красавца Вольтера</i>	207

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
неожиданно открывающая нам некоторые секреты Прусского государства, а также пристрастие короля Фридриха Велико-го к тщательному разжевыванию марципанов 243

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
в коей Вольтер знакомит барона Фон-Фигина и генерала Афсиомского со своими взглядами на российские отчины, равно как и на черных рабов в Америке. Между тем над готикой Балтики пролетают голуби из древнего рода сарымхадунов, а также гремит не вполне реальная битва, в кою среди прочих сторон вовлечено цвейг-анштальт-бреговинское войско во главе с курфюрстом Магнусом Пятым 271

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
постепенно превращающаяся в «драму идей» XVIII столетия, в ходе коей Вольтер вспоминает, как близок он был, вместе с Эмили дю Шатле, к открытию свойств «фложистона», меж тем как гадкий химик Видаль Карантце охотится на лягушек и мышей, а Миша Земсков продолжает удивлять все кумпанейством особенностями своей головы 311

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
совпадающая с предпоследней ночью июля 1764 года, иначе с завершением Остзейского кумпанейства; звучат виолы и саксонские гнутые кларнеты; все перепуталось в замке и в парке; и сладко повторяют: Россия, Запад, Бесконечность; ночные откровения и утреннее изменение пейзажа 355

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
и последняя знаменуется явлением вельми приподнившегося персонажа. Фокусы утопии уступают место историческим деяниям 392

ЭПИЛОГ
как таковой в завлекательных авансах не нуждается 436

Избранные фразы, взятые автором из переписки друзей, кои якобы никогда в жизни не зрили один другого воочью 475

Нет идей врожденных.

Джон Локк

Нравственный смысл – врожден.

Готфрид Вильгельм Лейбниц

Я не понимаю природы мысли. Разум ли
повелевает руке подняться?

Вольтер

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в коей картина превращается в роман, пустынные берега в парижскую Масленицу, портрет Вольтера в живую персону, театральный скандал в триумф, трезубец Нептуна в объятия Морфея

В самом начале сего повествования хочу обратиться к вам, персоны читающего сословия; и к тем, кто посреде домашнего досуга возжигает свечу над не разрезанным еще томом, равно как и к тем, кто, трясясь день-деньской в кибитке, прижимает книгу к подушке с пятнами стеарина и раздавленным клопом-с, и сообщить, что книга сия втягивает вас в апрель 1764 года; ранняя весна, судари мои, глубокий морозный закат.

Вслед за фразой развивается неподвижная картина прибалтийского простора. Большущее небо с длинными лиловыми облаками на западе и со младым месяцем в зените. Голья ветви вдоль дороги, в конце коей темная ломаная пила городка с острейшим, будто не своим, зубом кирхи. Озеро подо льдом. Вросшие в лед повозки недавней войны. Торчат оглобли, скособочилось колесо, зияет жерло полевой пушки. Кой-где, ежели спешиться и присмотреться, увидишь в замерзающей на ночь польне брошенную воином фузею с торчащим из дула багинетом или без оногo, патронную суму пехотинца или кавалерийское седло с переметными карманами, череп лошажий, а то и человечесий,

расколотую кирасу с торчащими ребрами, некогда прикрывавшими сердце, исполненное отваги или безудержной тоски, именуемой в обиходе горечью поражения. Неподвижная сия картина красноречиво расскажет тому, кто спешится, о страшной схватке в померанских болотах, ну а тому, кто проскочит мимо, не расскажет ничего, поелику тот ее и не заметит.

Теперь пора сказать, что не все так пронзительно застыло в этой весенней темной картине, освещенной лишь огромным бледно-зеленым небом с чеканным серпиком апреля. Есть тут две фигуры, пребывающие в бешеном движении, ног у них не сочтешь, видно только, как вдребезги разбиваются замерзающие вдоль дороги лужи. Летят за ними хвосты, гривы и плащи, если глянешь сбоку. С той же позиции заметишь натянутые до бровей треуголки да молодые гладкия подбородки. Рьяны ноздри исторгают мятущийся пар. Шумное дыхание, бой копыт и скрип сбруй завершают переписку пейзажного масла, то есть натюрморт на наших глазах и при наших ушах обращается в натуральную романею.

Бешеный галоп выветривает вчерашнюю данцигскую пьянку из глав и телес двух шевалье, Николя и Мишеля. Слава тебе Господи, что лошади не пьют! Как это не пьют, как это не пьют? Водки не пьют, водки не пьют, водки не пьют! И пива не потребляют! И рейнского сладкого не глотают! Не пьют, потому что им нет, не дают, нет, не дают, нет, нет, нет! Только воду пьют, пьют, только воду пьют! Вровень несутся верные кони, возвращенные в гвардейской Ея Императорского Величества конюшне, четырехлетние боевые жеребцы, два брата Тпру и Ну, ныне именуемые на французский манер Пуркуа-Па и Антр-Ну. Так скачут, будто и пить не хотят, пить не хотят, пить не хотят, воды не хотят,

воды не хотят и по пиву не грустят, не грустят, будто не останови, так и протарабанят всю тыщу верст до столицы французского королевства!

А чего ж так гнать-то, естли ехать еще столь далече, и чему такая прыть может споспешествовать? Может, гонится кто за кавалерами? Может, сами они кого преследуют? Авторский произвол, однако, не находит пока никакого резону для спешки, за исключением вчерашних довольно-таки куртуазных и в равной степени ридикюльных обстоятельств.

Ну что ж, нам-то, сочинителю, то есть мануфактурщику бумажного товара, спешить некуда, если уж заехал в восемнадцатое столетие, в раннюю весну 1764 года; так что давайте по порядку.

Третьего дня под вечер легкой рысью, как предписано было в экспедиции, достигли Николя и Мишель приморского города Данцига, по-нашему Гданьска. Предъявили страже французские пашпорты и были пропущены за ворота; даже взятки не потребовалось. К французским офицерам многие из гданьского народа относились с симпатией еще со времен высадки в защиту короля Сигизмунда Лещинского супротив российского произвола. Никому и в голову не пришло залезть в кавалерские ташки, иначе могли бы за двойными бортами обнаружиться не только французские, но и саксонские подорожные бумаги, а если б глубже копнули, могли бы и на прусские папиры наткнуться.

Не без удовольствия озирали Николя и Мишель с высоких седел виды готического града, пока медленно цокали подковами по гладким бульжникам улицы Длуга. Пуркуа-Па даже не преминул сунуть ноздри под хвостик игривой кобылке из знатной упряжки, что ожидала кого-то непростого возле трактира «Лион Д'Ор».